

Глава 2. Барьеры терминологии

Научный век, в который мы живем, в буквальном смысле слова подвел к необходимости создания нового языка общения и создал его. До тех пор пока этим языком не овладеют массы, в области общения могут появляться колоссальные проблемы. Культурные революции, которые изменяли и дополняли технологический, психологический, медицинский и политический словари, не могли не затронуть мировые религии вообще и христианское богословие в частности. Известный теолог доктор Бернард Рэмм в журнале «Вечность» обращает внимание на этот случай, когда дает оценку теологической системе доктора Тиллиха, ведущего богослова наших дней, бывшего профессора богословия Чикагского университета. Доктор Рэмм говорит, что Тиллих так радикально переосмыслил стандартные богословские термины, что для христианского богословия это чуть не обернулось катаклизмом. «...Такие библейские категории, как грех, вина, проклятие, оправдание, возрождение и т. п., истолковывались на языке, который по отношению к языку Священного Писания казался иностранным».*

Замечание доктора Рэмма очень правильно, так как любой, кто будет изучать богословие Пауля Тиллиха, а вместе с ним богословие современного неолиберализма и неоортодоксии, немедленно предположит, что в теологических рамках этих двух систем мысли словарь той области, которую доктор Эдвард Карнелл правильно назвал «классической ортодоксией», претерпел радикальное переосмысление. Его результатам можно было бы посвятить еще целую главу, но никто из тех, кто знаком с этой проблемой, не подвергает никакому сомнению случившееся.

Потому современные богословы используют библейскую терминологию и терминологию исторического богословия, но в смысле, абсолютно отличном от того, что подразумевали авторы Священного Писания.

Прежде чем приняться за исследование нехристианских культовых систем, нужно принять во внимание и тот факт, что основатели и зачинатели богословия культов проделали с семантической структурой христианского богословия то же, что и современные богословы. Это дало возможность свидетелям Иеговы, «христианской науке» или мормонам, например, абсолютно свободно пользоваться терминологией библейского христианства, так как они уже переиначили ее в богословских рамках своих нужд и желаний, но почти всегда с явным изменением исторически принятых значений.

То есть при изучении культов мы должны быть готовы встретить препятствия в виде различий в употреблении слов. Для этого надо признать во-первых, что эти различия существуют, и во-вторых, что пока мы не выясним, в каком смысле используются те или иные термины, невозможно будет выбраться из джунглей неразберихи, созданной культистами, и провести черту между учением культов и учением ортодоксального христианства.

Меня бесчисленное количество раз спрашивали: «Почему культист во время разговора вроде бы согласен со всем, что я говорю, но когда разговор окончен, у меня остается чувство неполноценности общения, как если бы мы говорили на разных языках?»

Именно об этом я и хочу сказать. Мы не можем полноценно общаться, так как словарь культов и словарь Библии отличается в определениях. Одному Богу известно, сколько времени было затрачено в бесплодных попытках донести до культистов заповеди Евангелия, но если вы затратите хоть пять минут, чтобы дать определение понятиям (в особенности тем, которые касаются природы Бога, природы и служения Иисуса Христа), вы лишите собеседника мощнейшего оружия культового богословия — возможности перекручивать богословские термины. Поэтому неудивительно, что манипулирующий терминологией культист оказывался в более выгодном положении, чем христианин, особенно в беседе о фундаментальных доктринах библейского богословия. Итак, вопрос в том, как может христианин в случае необходимости решить эту проблему, если она вообще разрешима. Существует ли какой-нибудь общий знаменатель, к которому надо прийти, встретившись с культистом, и если да, как можно вывести его на практике.

Культы активно пользуются почти абсолютной неспособностью среднего христианина раскрыть коварное искусство переиначивания смысла в области библейского богословия. Вполне естественно желание человека, будь то служитель или рядовой христианин, найти панацею от раздражающих, а иногда и просто приводящих в отчаяние проблем с терминологией культов. Тем не менее, к несчастью для нас, такого средства нет. Но чтобы не прийти в замешательство под напором множющихся на глазах нехристианских культов (не заблуждайтесь: конфликт с ними духовный), надо использовать определения в чисто библейском их смысле, что даст вам по меньшей мере два преимущества — культистам нечем будет удивить вас или заставить вас распахнуть рот. Загадка семантики

Проблема семантики (или смысла) всегда занимала важное место в человеческом общении, так как употребление слов или злоупотребление ими, в зависимости от обстоятельств, порождало, сохраняло или свергало церкви, царские династии и правительства. В одном из своих последних впечатляющих романов «1984» Джордж Оруэлл показывает, как искажение общеполитических терминов может привести к рабству, коша впавшее словно в летаргический сон население без возражений позволяет творить что угодно. Вот классическая иллюстрация опасностей извращения семантики. Для всех, кто изучает мировую историю, не будет неожиданностью, что извращенная терминология может стать мощным оружием пропаганды. Коммунистическая диктатура в Китае, которую даже русские идеологи отвергли как неслыханную по жестокости и глупости, отважилась назваться Китайской Народной Республикой. История свидетельствует, что народ очень

мало, если вообще как-то, влияет на управление при коммунизме, и если под демократией понимать правление народа, то китайские коммунисты явили величайший пример извращения слов всех времен!

И китайские, и русские коммунисты заплатили страшную цену за то, что не определились с терминологией и, слушая сладкую музыку марксистских сирен, не поняли, что представляет собой репродуктор атеистического коллективизма, который ее наигрывал.

То же происходит и в культах. Между двумя этими системами видна отчетливая параллель, так как культизм, подобно коммунизму, играет завораживающую музыку на арфе терминологического обмана. Многие на протяжении истории следовали его течениям, вступая на широкую дорогу вечного осуждения. Вот это и есть общий знаменатель, и он прочно связан с языком и точностью терминологии. Мы можем сказать, что здесь ключ к пониманию культов.

Следующие факты, взятые из более чем тридцатилетних исследований и практической деятельности в среде культистов каждой системы, лучше всего покажут, как пользоваться этим ключом, который поможет открыть тайны семантики культов.

Обычно существование нехристианского культа объясняется тем, что он модифицирует христианскую терминологию, заимствует в колоссальном количестве библейские сюжеты, почти всегда приводя их вне контекста и пересыпая евангельскими фразами и терминами, где только можно или выгодно. До сего дня эти попытки приводили к успеху в доказательствах того, что умозрительные системы культов являются «христианскими».

Столкнувшись с культистом, всегда помните, что вы имеете дело с человеком, хорошо знающим христианскую терминологию, который аккуратно переопределил ее для полного соответствия с его умозрительной системой.

Конкретным примером такого переопределения терминов может послужить любая из культовых систем гностицизма, которые акцентируют внимание на исцелении и в целом придерживаются пантеистической концепции Бога (например «христианская наука», «новая мысль», «христианская школа единства», «наука единства Христа», метафизики, «религиозная наука», «божественная наука» и пр.).

В ходе многочисленных контактов с подобными культами у автора было много возможностей наблюдать за процессами семантического сдвига. Не по себе становится от таких наблюдений. Приверженец культа начинает долгий разговор о Боге и Христе. С особенным пристрастием останавливается он на любви, терпении, прощении, на Нагорной проповеди и, как правило, приводит вне контекста изречение Иакова «вера без дел мертва».

Следует отметить, что едва ли в своих рассуждениях культисты затронут самую основную проблему — проблему зла, грехопадения людей или искупления Христа как единственный способ спасения от греха через Божию благодать и веру. В действительности они намеренно уходят от неудобных для спора тем и с большой неохотой вступают в дискуссию. Конечно, есть исключения из правил, но в общем, вероятно всего, беседа на эти щекотливые темы будет характеризоваться крайней сдержанностью с их стороны. И «христианская наука», и «христианская школа единства» на словах признают Троицу, но в их подлинной концепции Бог представляет собой пантеистическую абстракцию («Жизнь, Истина и Любовь» являются триединством святого для «христианской науки»).

Исторически признанному учению о Троице редко, если вообще когда-либо, удастся избежать тщательного переосмысления. Если читатель обратится к «Метафизическому библейскому словарю» (The Metaphysical Bible Dictionary), изданному «христианской школой единства», он откроет для себя шедевр переосмысления. В этой книге секта «единства» исчерпывающе переопределила многие основные термины библейского богословия (подобно тому как это сделала миссис Эдди в своем словаре терминов из книги «Наука и здоровье: ключ к Священному Писанию»). Читатель немало удивится превращениям, случившимся с библейской историей, с Адамом, с концепцией человеческого греха, духовного падения и вечного суда. Тем не менее одна вещь будет отчетливо вырисовываться в этом учении: «единство» может использовать библейскую терминологию, но никакое воображение не сможет связать новое определение с самой вещью.

Другим аспектом культистского подхода к семантике, вызывающим замешательство, является манера, в которой, к удивлению христианина, цитируются для подтверждения своей правоты целые страницы самой Библии. При этом у культистов такой вид, будто они согласны чуть ли не со всеми положениями обращенной к ним проповеди христианина: «Мы также в это верим... Мы согласны с этим...» — или еще более непосредственно: «Миссис Эдди (мистер или миссис Филмор, мастер Эванс, доктор Бушман, Иосиф Смит или Брайем Янг) говорит то же самое, мы абсолютно согласны». Тактика, основанная на жонглировании терминами, приводит рядового христианина в смятение, так как он не в силах указать на ошибку, а постоянное согласие — которого нет, и он это чувствует, — подавляет его. Поэтому он часто вынужден отмалчиваться. Не зная, о чем в действительности говорит культист. Часто, даже хорошо разбираясь в конкретном вопросе, он не решается ввязаться в дискуссию из боязни быть высмеянным за различия в основах учения или за недостаток знания Библии.

Разрешить эту проблему далеко не просто. Христианин должен понимать, что каждый приведенный им библейский или богословский термин в голове культиста будет мгновенно переопределен и в доли секунды переформулирован. Лишь поняв, что культист во время спора на словах согласен — а в действительности вовсе нет — с историческими и библейскими концепциями, христианин встанет на путь успешного обращения с культовой терминологией. Эта удивительная операция терминологического переосмысления очень похожа на подбор слов по ассоциации в психологии.

Для культиста не составит трудности «одухотворить» или переосмыслить понятное всем значение библейских текстов и поучений так, чтобы оказаться в видимой гармонии с исторической христианской верой. Тем не менее такая гармония является в лучшем случае поверхностным единством, основанным на многозначности слов, но ведущим к противоречиям в библейском содержании, грамматике или звуковой стороне. Да, язык — дело сложное, с этим не поспоришь.

Однако один аспект не подлежит обсуждению. Слова в контексте означают только то, о чем говорится. Мы или признаем это, или лишаемся всех достижений грамматики и богословия, возвращаясь к потребности писать углем на стенах пещеры, как это делали наши предполагаемые предки в каменном веке. За примерами далеко ходить не надо. Опыт повседневной жизни показывает абсурдность терминологического переосмысления в каждом случае.

Адвокат, нанятый своим клиентом, должен знать процедуру судебного разбирательства, перекрестного допроса и взятия показаний. Но кроме всего этого, он должен верить в невиновность своего клиента. Клиент же, говорящий адвокату, что он совершил проступок, а не уголовное преступление, уже использует юридический словарь. Но если адвокат поймет, что клиент извратил этот словарь, исказив смысл терминов, то он или откажется защищать преступника, или разъяснит специфику используемой терминологии суду, потому что одно дело проступок, а другое уголовное преступление. Человек, заявляющий, что он украл только 90 долларов (мелкая кража), но в действительности подразумевающий, что это было «примерно» 90 долларов, хотя на самом деле он украл пятьсот (крупная кража), играет игру, которую закон не терпит. Он, конечно же, будет наказан за такое извращение общепринятой терминологии.

Можно взять для примера и медицину. Доктор, который собирался делать операцию на сердце, а затем в присутствии своих коллег удалил желчный пузырь, не может защитить свои действия утверждением, что, на его взгляд, операция на сердце означает и удаление желчного пузыря. Его лишат права заниматься медициной. Операция на сердце — очень тонкая работа с целью помочь сердечной мышце. Удаление желчного пузыря, по общепринятому определению, — это операция другого вида. Таким образом, и в юриспруденции, и в медицине термины строго определены. Это распространяется и на деловую жизнь. Но для культистов слова далеко не всегда несут ту смысловую нагрузку, которая присуща им в исходном контексте. Американская ассоциация адвокатов не потерпит смешения терминологии в постановке диагноза или при операциях. Точно так же и Церковь Иисуса Христа имеет все права не допускать грубого извращения и переосмысления исторической, библейской терминологии, подгонки под стандарт культуры и общества, которые не желают принять абсолютный стандарт или критерий истины, пускай он открыт Богом в Его Слове через свидетельство Его Духа.

Итак, основные культовые системы изменяют смысл исторических христианских терминов без всякого на то основания. На возражения христианских богословов культисты неизменно отвечают: «Вы понимаете текст по-своему, а мы по-своему. Давайте смотреть на вещи шире. В конце концов, одно истолкование не хуже другого».

Стоит ли после этого удивляться, что ортодоксальные христиане считают своим долгом открыто разоблачать подобные извращения ясно определенной и исторически признанной библейской терминологии и лишают культистов права (с позиций науки, Библии и лингвистики) переопределять библейские термины так, как те это делают?

Никогда нельзя забывать, что понятия соответствуют своему определению. Любая фигура плоскости, окружность которой равна два пи-эр, является, по определению, кругом. Любые две фигуры, конгруэнтность которых можно определить по комбинациям угол-сторона-угол, сторона-угол-сторона или сторона-сторона-сторона, по определению, являются треугольниками. Пойдем дальше. Любая формула, в которой на две молекулы водорода приходится одна молекула кислорода, — это вода. А если в ней две молекулы водорода, одна серы и четыре кислорода, это серная кислота. Никогда искупление не сможет стать покупкой человека у сатаны, как толкуют это теологи гностических культов («христианская наука», «единство», «новая мысль» и прочие). Никак не сможет, если слова языка несут хоть какой-то смысл.

«Одухотворение» текстов и учения или попытки объяснить их на основе туманного термина «интерпретация» — это научная беспринципность, которая является обычным методом в литературе культов. Культисты не могут не видеть, что сила христианства не в его терминологии, но в отношении к откровению сошедшего на землю Христа. И тут не избежать столкновения божественного и человеческого. Человек должен стать новым творением в Иисусе Христе, и устранение всего исторического из христианской терминологии ведет только к путанице, но не может лишить силы Евангелие Спасителя, искупающее грешника через благодать.

Христос Святого Писания — это вечная, божественная Личность, Которой невозможно пренебречь одним щелчком выключателя в переосмыслении культистов, как бы искусно это ни делалось. Христианин должен помнить о терминологической проблеме, с которой он непременно столкнется, имея дело с культистами практически всех направлений. Заключение

Когда бы христианин ни повстречался с культистом, он всегда должен помнить вот о чем: (1) в разговоре надо учитывать проблемы терминологии и надо поставить культиста в такое положение, когда тот должен дать определения своим терминам и объяснить, почему он считает себя вправе (и вправе ли он вообще) давать им небиблейские определения; (2) затем христианин должен проверить соответствие этих «определений» контекстам тех стихов, которые культист приводит для подкрепления своих истолкований; (3) он должен определить, что такое «истолкование», «историческая ортодоксия» и

основные термины — «рождение свыше», «искупление», «вечный суд» и т. п., чтобы во время разговора не возникло недопонимания (к чему, собственно говоря, разговор обязательно придет); (4) христианин должен показать культисту важность ясного определения всех используемых в беседе терминов, особенно касающихся личного избавления от греха, которое большинство культов определяют в отрыве от библейских источников; (5) каждый христианин обязан рассказать о собственном рождении свыше, которое последовало из развития его отношений с Иисусом Христом, и сделать это в точных терминах, ведь его собеседник тоже должен быть возрожден и должен знать, что Божия справедливость восторжествует. В ходе обсуждения терминов и случаев нечестного их «перекручивания» в культовых системах вы можете почувствовать необходимость прибегнуть к резким выражениям, но в таких случаях христианин должен обходиться с культистами с предельной выдержанностью и любовью, чтобы они видели, что такое обращение вызвано беспокойством за их судьбу, а не желанием выиграть спор.

Никогда нельзя забывать, что культисты прекрасно умеют изымать необходимые им фразы из контекста, пренебрегая языковыми нормами или выработанными принципами истолкования Библии. Апостол Петр предупреждает нас о людях, которые «к собственной своей гибели... превращают... Писания» (2 Пет. 3:16). Так обстоят дела в царстве культов по части словоупотребления.

Обобщая особенности употребления слов в культах, можно выделить следующее:

Обычно культисты очень хорошо знакомы с терминологией. Они знают историю употребления слов в христианстве и, таким образом, готовы вести дискуссию на высоком интеллектуальном уровне.

Опытный культист тщательно избегает приведения в соответствие терминов, касающихся основных догматов Церкви, таких как Троица, Божественность Христа, искупление, воскресение Господа, спасение благодатью и оправдание верой. Если же он будет вынужден затронуть эту тему, его определения не будут выходить за рамки общепринятых до тех пор, пока его не вынудят дать четкие определения.

Христианин, хорошо знающий Писания, должен найти отправную точку разговора, например, авторитет Библии, что может дать ему огромные преимущества в споре.

Христианин, часто имеющий дело с учениями культов, должен ознакомиться с терминологией основных культовых систем, чтобы понять ход рассуждений культиста и в конце концов донести до него чистое Евангелие.

В данной главе мы говорили о важности четкого определения терминов. Читатель не растратил усилия понапрасну, если понял смысл этой главы и будет руководствоваться ею, столкнувшись с барьерами терминологии, которые являются очень серьезным препятствием как при обращении культиста в истинное христианство, так и при защите христианской веры от извращений переосмысления.

* Eternity, November 1963, p. 33.